

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Карло
Гоцци

Дзеим, царь
джиннов,
или Верная раба

Перевод с итальянского
Татьяны Щепкиной-Куперник

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Карло Гоцци

**Дзеим, царь джиннов,
или Верная раба**

«ФТМ»

1765

Гоцци К.

Дзеим, царь джиннов, или Верная раба / К. Гоцци — «ФТМ»,
1765 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-2091-0

В пьесе рассказывается о Дзеиме, сказочном персонаже, который, будучи царем джиннов, покровительствует роду царя Суффара. Над его подопечными нависает неотвратимый злой рок. Дзеим считает, что существует два варианта развития событий: либо семье царя Суффара предстоит претерпеть всевозможные страдания здесь и сейчас, либо эта участь перейдет к последующим десяти поколениям рода...

ISBN 978-5-4467-2091-0

© Гоцци К., 1765

© ФТМ, 1765

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Явление I	6
Явление II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Карло Гоцци
Дзеим, царь джиннов, или Верная раба
Трагикомическая сказка в пяти действиях

Действующие лица

Суффар, царь Бальсоры.

Дзелика, его сестра, влюбленная в Алькоуза, царя Дивандура.

Дугме, под именем Дзирмы, раба Дзелики, ее неузнанная сестра.

Алькоуз, царь Дивандура, влюбленный в Дзелику.

Канцема, арапская царица, амазонка, ведущая войну с Суффаром.

Смеральдина, арапка, ее оруженосица и наперсница.

Панталоне, бывший министр Фарука, покойного отца Суффара.

Сарке, его дочь.

Тарталья, министр Суффара.

Бригелла, капитан, на службе Алькоуза.

Труффальдино, сердобольный надсмотрщик за Дзирмой, позднее – приближенный Суффара.

Дзеим, царь джиннов, в различных образах.

Тень матери Дзелики.

Тень Фарука, отца Суффара.

Палач.

Войска различные и арапские.

Действие первое

Явление I

Небольшой лес.

Панталоне в деревенской одежде, Сарке, одетая пастушкой.

Панталоне. Ты, верно, устала, сердце мое. Солнце поднимается все выше, начинает припекать, не правда ли? Пора тебе приняться за приготовление нашего обеда. Скажи мне правду, дочка, – ну, разве не чудесна наша жизнь?

Сарке

Да, мой отец, но все же я читала,
Что разные есть страны, города,
А в них цари, вельможи; там богатства.
Пирьы, и праздники, и блеск, и роскошь –
Жизнь смертных превращают в наслажденье.
И вот порой от этих мыслей скучным
Мне кажется уединенье наше.

Панталоне. Учись, дочь моя, учись, Сарке. Вот ты только прочитала о том, что существует мир, не похожий на нашу мирную обитель, – и это уже возбуждает в тебе мысли, от которых она кажется тебе скучной и неприятной. Насколько лучше было бы для тебя, если бы не было никаких книг, внушающих твоей фантазии беспокойство. Да, есть и города, и горожане, и короли, и принцы, и праздники, и пиры, и роскошь, и светское общество – все это правда. Если бы ты попала в город, для тебя все было бы, как в книгах, и у тебя возникло бы множество неутолимых желаний, которые лишили бы тебя на всю жизнь покоя и заставили бы умереть в отчаянии. Человеческая воля никогда не бывает удовлетворена; несчастен тот, кто видел много вещей в этом мире, но не впитал с образованием широких идей; он все равно будет недоволен, даже если бы он мог овладеть целым миром. Люди все плохи в этом смысле. Знаешь ли, дочка, я отец твой и люблю тебя; так вот: я был сорок лет при дворе блаженной памяти Фарука, царя Бальсоры, и видел все, что только можно было видеть. Вот уже минуло шестнадцать лет, как царь скончался, и восемь лет, как я удалился с тобой в эту хижину, в этот лесок, когда ты была еще совсем грудным ребенком. Сарке, твоя бедная мать, живя среди роскоши, умерла от горя; а я, вовремя удалившись от пышности двора, понял, что одиночество, восход солнца, рождение цветов, созревание плодов, пение соловьев, хорошо возделанный садик и вкусный обед без напитков – все это вещи, дарованные небом, чтобы занять ум человека и дать ему возможность с большим одушевлением прожить эту жизнь, которую мы получили взаймы и должны вернуть по принадлежности.

Сарке

Ужели ты не мог бы мне хоть раз
Бальсору показать? Она так близко.

Панталоне. Не говори мне об этом городе. Туда нам нельзя идти. Если у меня еще есть какое-нибудь сердечное сокрушение в нашем мирном приюте, то это постоянные зловеющие вести об этом дворе, со времен кончины царя Фарука, моего повелителя.

Сарке

Так никогда мне города не видеть?

Панталоне. Слушай, дочка. Шесть тысяч женщин в карикатурном виде. Двадцать тысяч разряженных ухаживателей, которые их толкают на дурной путь и делают еще более полумными, чем они есть. Пятьсот купцов, которые плачутся на то, что не могут высосать всей крови у своих покупателей. Сорок тысяч человек, которые целуются и предают друг друга. Три тысячи воров, которые рубашку с тебя снимут. Восемь тысяч негодяев, которые проклинают виселицу за то, что она не дает им убивать направо и налево, согласно с их философскими воззрениями. Сотни бедных, одиноких стариков, которые, чтобы казаться мудрыми, становятся смешными, проповедуя страх Божий, правосудие, истину и оплакивая гибель всех начал – семейных, репутаций, всего... Вот что такое город, дочь моя. Хочешь ли ты все-таки, чтобы я показал тебе его?

Сарке

О нет, отец, коль города такие,
Мне мил и этот лес, и этот воздух,
И наше мирное уединенье.

(Уходит.)

Панталоне. Ступай, ступай, дочка. А если у тебя есть часок досуга, читай глупости из «Кабинета фей» и смейся. Они меньше принесут вреда твоему уму, чем та философия, которая все города сделала похожими на тот образец, что я тебе описал. Как ты послушна, мое ненаглядное дитя. Леса в ваши дни – это благословенное место, чтобы воспитать девушку как следует!

Мрак, молнии и гром.

Вот он, друг – учтивый человек; сперва его курьеры, а уже потом и он сам. Этот джинн Дзеим – добрейший малый. Был он когда-то прямо благотельным, но теперь дело пошло по-другому; я перестал его понимать. Пора бы уж мне к нему привыкнуть, немало лет я его знаю, – однако ничего поделать не могу: завидев его, я чувствую дрожь отвращения и душа у меня уходит в пятки. Постараемся скрыть это.

Явление II

Панталоне, Дзеим в виде ужасающего зверя.

Дзеим

Старик!.. При появлении моем
Что так всегда дрожишь ты? Успокойся.

Панталоне. Почтение мое, Дзеим, причиной...

Дзеим

Нет, ясно я в твоём читаю сердце:
Ты сомневаешься, не веришь мне,
Но лицемеришь. Лести не терплю я.

Панталоне. Да, но если доброта ваша мне служит только во вред, я был бы не прочь
избавиться от нее.

Дзеим

Не злой я джинн; я джинн, любимый небом;
Питаюсь я деяньями благими.
Будь откровенен, не страшись. Со мною
Ты в безопасности, клянусь богами.

Панталоне. Вы говорите, что находите особенное удовольствие в том, чтобы делать
добро. Не стану отрицать, что вы были добрым другом покойному царю Бальсоры Фаруку,
моему повелителю. Он был действительно счастлив; больших благодеяний вы не могли ему
оказать, и не было более цветущего государства, чем его страна, пока он жил. Вы ему дали
достаточно всего.

Дзеим

Несчетные богатства, а под старость
Я дал ему двух дочерей и сына,
Наследника престола. Что же больше
Я сделать мог? Над смертью я не властен.

Панталоне. Это все так, но дальше идут загадки, которых мне никак не разгадать, если
вы не объясните их. Во время тех частых бесед, которыми вы меня удостаиваете, являясь сюда
или приглашая меня в ваш таинственный дворец, вы доверили мне некоторые дела, о которых
запретили говорить, а это сильно смахивает на тиранию.

Дзеим

Говори свободно, не бойся.

Панталоне. Вы очень милостивы. Так вот: вы взяли с царя Фарука обещание, как только
родился принц Суффар, что он его сочетает браком с Канцемой, принцессой Серендибской.
Она выросла, эта надменная арапка, безобразная, как людоед. Мальчик тоже вырос и не желает
ее брать в жены, в чем я ему сочувствую. Из этого получилось только то, что эта скотская

царица с тремястами негров подвергает Бальсору жестокой осаде и довела город до крайности. Вот одно из ваших благодеяний, которого я не понимаю. Это раз. Вы говорите, что оставили этого мальчика на произвол судьбы, соблазняемого дурными министрами и окруженного развратной молодежью, чтобы он разорял казну, истощал государство и стал ненавистным для своих подданных и неспособным защищать их в этих печальных обстоятельствах. Вот еще одно благодеяние, которого мое невежество постичь не может. Это два. Вы говорите, что вырвали из объятий вдовствующей царицы царевну Дугме еще в пеленках, так что никто никогда потому не узнал, где она, и сделали это для того, чтобы заставить пролить столько слез бедную мать. Вот также благодеяние, от которого даже собаке не будет пользы. Это три. Вы сказали мне, что вам благоугодно было проклясть в присутствии царицы-матери царевну Дзелику еще в колыбели, обрекая ее на ужасную участь, которая никому не ведома и которую вы не хотите мне открыть; но эта тайна заставила бедную мать в течение семи лет лить безутешные слезы, никому не открывая причины своей скорби; известно только, что она умерла в объятиях своей Дзелики и перед смертью сказала ей несколько слов – какие, никто не знает. А моя бедная жена, горячо любившая царицу, умерла с горя! Это четыре. Что же это за странная доброта? Что значат эти ваши явления бедной царевне Дзелике в виде тени ее умершей матери, пугающей ее и угрожающей ей в случае ее выхода замуж? Что это за несчастная рабыня, которую вы заставляете держать в таком угнетении? При чем тут этот царь Алькоуз Дивандурский, который в союзе с арапкой осаждает Бальсору, добиваясь руки царевны Дзелики, раз вы не хотите, чтобы она выходила замуж? Беспомощный царь, которого осаждают чернокожие; одна сестра похищена вами, другая проклята вами и каждую минуту переживает ужасы – это пять, и шесть, и семь. Я ничего не понимаю! Вот такого-то рода милости, в соединении с вашей наружностью, в которой нет ничего привлекательного, и заставляют меня дрожать при вашем появлении; не очень все это мне нравится. Я вам все сказал и предаю себя в ваши лапы.

Дзеим

И ты был при дворе и там читал
Оставленные древними скрижали?
Из них так мало вынес и не знаешь,
Что счастье восходит над несчастьем,
Сперва с трудом, потом все выше, выше,
Когда ж достигнет до вершин величья,
То поворот свершает колеса,
Счастливец первым повергая в бездну?
Таков всегда был неуклонный путь
Людских судеб; таков круговорот
Всего, что знает разум человека.

Панталоне. Эх, все это верно, я знаю, но здесь все происходит с быстротой молнии! Таких несчастий нигде не видано, кроме Бальсоры, и вы нарочно подтолкнули колесо изо всей силы, а могли бы предоставить ему катиться естественно, не пугая лошадей.

Дзеим

Скажу я больше; слушай же, старик!
Знай: если бы естественным путем
Я совершиться дал паденью рода,
Возлюбленного мной, ему пришлось бы,
По крайней мере десять поколений,
Жить в ужасе, в презренье, в муках раньше,

Чем прежнее величье обрести.
И колесо я повернул, и мукам
Обрек я молодое поколение,
Суффара, и Дзелику, и Дугме!
Стараюсь я, чтоб гнет мучений долгих,
Рассчитанных на десять поколений,
Всецело пал бы на детей Фарука.
Несчастья, обрушившись на юность,
Порой смягчают рок у самой бездны,
Сдержав его, и могут повернуть
Фортуны колесо; быть может, тщетно,
Но я, трех этих отпрысков терзая,
Надеюсь отвратить от них несчастье.
Я охраняю род их. Детям их
На пользу будет их пример; быть может,
Упадок прекратится. И, как средство
Единое, я взял жестокий бич,
Чтоб добродетель разбудить, в которой
Опора счастья, – ей лишь небеса
Дарят награду. Нет, я не тиран;
Старик, своим суждениям не вверяйся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.